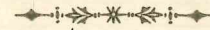

СТЕНОГРАФІЯ,

ея исторія, польза и область при-
мѣненія.

М. Я. ГРЕБЕННИКОВА.

ЦѢНА 35 КОП.

КІЕВЪ.

Типографія Д. С. Повальскаго, Больш. Васильковск. ул., домъ № 3-й.
1885.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ДОРОГОМУ РУССКОМУ ЮНОШЕСТВУ.

„Школа, семья и всякій, призванный къ воспитанію юношества, должны отыскать время и мѣсто для такихъ занятій, въ которыхъ тѣло и душа находили-бы себѣ подкрѣпленіе и облегченіе. Польза, истекающая отсюда, будетъ не только благомъ одного юношества, но и всего нашего народа и отечества.“ Gossler.

„Jeder wahre Freund der Stenographie wird gewiss mit mir wünschen, dass ihre Verbreitung in stetigem Wachsen beharre, und dass ihre Ausbreitung immer weiter fortschreite.“
W. Stolze.

Въ нашъ практическій вѣкъ, когда каждый новый день приноситъ намъ извѣстія о различныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческихъ знаній, когда ученые и талантливые люди у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ безъ устали трудятся надъ разработкою тѣхъ или иныхъ областей вѣдѣнія, чтобы сдѣлать сильный вкладъ въ науку и тѣмъ все далѣе и далѣе раздвигать ея предѣлы, и проливать свѣтъ знанія туда, гдѣ прежде царило невѣжество: люди, даже самые простые, повидимому, сдѣлались весьма чуткими и воспріимчивыми ко всѣмъ полезнымъ нововведеніямъ, если они не соединены съ непривычными для такихъ небогатыхъ лицъ расходами.

Дозволено Цензурою, Кіевъ, 12 Октября 1885 года.

1002

5111

Наши крестьяне-богомольцы не потянутся уже изъ какой-либо далекой окраины, какъ напр. Вологодской или Пермской губерніи, на поклоненіе знаменитымъ отечественнымъ святынямъ, стариннымъ образомъ, пѣшкомъ, а съ признательностію пользуются услугами „чугунки“ или парохода; никто теперь не станетъ отправлять курьера, морить человека и коня, хотя-бы ради самаго пріятнаго и важнаго извѣстія, если можетъ за не дорогую плату и несравненно скорѣе достигъ своей цѣли помощью телеграфа, съ быстротою молніи передающаго вѣсти изъ одного конца свѣта въ другой. Этотъ знаменательный успѣхъ культуры виденъ также и въ области *графика*, или письма. Здѣсь тоже время, съ своею обычною послѣдовательностію, произвело самые крупнѣйшіе, изумительные перевороты. Припомнимъ только, какъ цѣлыя сотни вѣковъ нужны были для того, чтобы отъ отдѣльныхъ чертъ, которыя могъ вырѣзывать на деревѣ или высѣкать на камнѣ первобытный человекъ своими грубыми орудіями, онъ перешелъ къ *гiero-глифамъ*, какъ изъ *гiero-глифовъ* мало-по-малу выработалось, въ видѣ ихъ *сокращенія*, письмо *гiero-тическое*, которое употребляли египетскіе жрецы, и еще болѣе *сокращенное* письмо для общежитія демократическое. Все это было еще за нѣсколько тысячелѣтій до Р. Хр. Возьмемъ эпоху культурнаго Рима и Греціи. Тѣ великіе ораторы и поэты Рима и Эллады, которые изучаются теперь нашимъ юношествомъ, писали почеркомъ совершенно другимъ и иначе связывали между собой ряды буквъ, чѣмъ пишемъ мы въ настоящее время полатыни и погречески. Никто не будетъ спорить, что гигантскими шагами ушло впередъ, вообще у всѣхъ европейскихъ народовъ, начертаніе ихъ нынѣшнихъ буквъ сравнительно съ такими-же письменными знаками, взятыми нѣсколько вѣковъ назадъ. Кому не бросалось въ глаза страшно трудное вычерчиваніе и разрисовка буквъ въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ, слишкомъ кудреватое писаніе въ грамотахъ и посланіяхъ нашихъ патріарховъ, воеводъ и другихъ именитыхъ людей русскихъ добраго стараго времени? Грамотность была тогда удѣломъ немногихъ, и безконечно рады были и такому способу письма, при которомъ скорѣе рисовали, чѣмъ писали въ томъ смыслѣ, какъ это мы понимаемъ теперь. Если обратимся къ нашему современному письму, то оно представляется намъ значительно упрощеннымъ и гораздо красивѣйшимъ, сравнительно съ прежнимъ, стариннымъ письмомъ; но, не смотря на такія преимущества свои, оно, безъ сомнѣнія, *не можетъ встѣхъ удовлетворить*. Нерѣдко слышатея среди нашихъ кабинетныхъ тружениковъ всякаго рода и нашей учащейся молодежи горькія сѣтованія на физическую невозможность и недостатокъ времени совершить подавляющую ихъ массу письменныхъ работъ въ опредѣленный, болѣею частію, короткій срокъ; чтобы вы-

полнить ихъ, нужно просиживать цѣлыя ночи, надрывать еще не окрѣпшія молодыя силы и преждевременно губить свое здоровье. Дѣйствительно, тягостно такое положеніе! Но крайняя необходимость не разъ была причиною важныхъ изобрѣтеній; и вотъ человекъ еще въ сѣдой древности вынужденъ былъ изощрять свой умъ въ нахожденіи особаго рода *краткаго* письма, оригинальныхъ знаковъ, посредствомъ которыхъ онъ могъ-бы быстрѣе обыкновеннаго отмѣчать на папирусѣ или хартіи какъ свои мысли, такъ и чужія слова. Это былъ первый толчокъ къ изысканіямъ въ нарождавшемся искусствѣ *стенографіи*, или *краткописи*, которому суждено было играть немаловажную роль въ культурномъ развитіи человечества, и о которомъ мы хотимъ побесѣдовать съ нашими любезными читателями.

Слово „стенографія“ (отъ *στευός* краткій, узкій, и *γραφο*—пишу), какъ и множество другихъ родственныхъ ему названій, болѣею частію заимствованныхъ изъ греческаго языка—тахиграфія, брахиграфія, оксиграфия, семеиографія, графодромія и пр.—означаютъ одно и то же понятіе-искусства *краткописи*. Самый извѣстный и общепотребительный терминъ—„стенографія“.

Люди, незнакомые съ стенографіей, разумѣютъ подъ этимъ словомъ только искусство записывать данную рѣчь, и они болѣе или менѣе правы. Дѣйствительно, до появленія труда гениальнаго Вильгельма Штольце (1841 г.), исключительною задачей стенографіи было-слѣдовать особаго рода письмомъ за рѣчью говорящаго; но Штольце первый указалъ краткописи и иную область, едва-ли не болѣе обширную, гдѣ она должна найти себѣ примѣненіе, о чемъ мы скажемъ ниже.

Существуютъ догадки, что краткопись, или тахиграфія, была уже знакома древнимъ евреямъ и грекамъ; указываютъ на нѣкоторыя мѣста библіи и на то, что греческій писатель Ксенофонтъ замѣчалъ себѣ на память особеннаго рода знаками изреченія славнаго учителя своего Сократа; но историческія свѣдѣнія о примѣненіи этого искусства мы находимъ впервые у римлянъ, повелителей древняго міра. Стенографія у нихъ имѣла довольно широкое распространеніе. Изобрѣтатель римской краткописи былъ *Тиронъ* (Tiro), вольноотпущенникъ знаменитаго Цицерона, почему она и получила названіе: „*notae Tironianae*“ („Тироновы знаки“); это наименованіе такъ и сохранилось за ними, не смотря на то, что письма эти были далѣе усовершенствованы другими лицами. Практическіе римляне часто примѣняли „Тироновы знаки“ къ записыванію рѣчей, произносившихся въ народныхъ собраніяхъ, сенатѣ и судебныхъ мѣстахъ ихъ великими

ораторами: они боялись уронить дорогія слова своихъ учителей, отмѣчали ихъ рѣчи на папирусѣ, чтобы было что передать въ назиданіе своему потомству.

Римскій поэтъ Марціалъ, жившій въ первомъ вѣкѣ по Р. Хр., привѣтствуетъ это искусство слѣдующею эпитафиею:

„Currant verba licet, manus est velocior illis,—

Nondum lingua suum, dextra peregit opus.“

(„Пускай бѣгутъ слова; рука—скорѣе ихъ: еще не кончена рѣчь, но она уже стоитъ написанною.“) Въ такомъ положеніи находилась тахиграфія въ дряхлѣвшей уже жизни древняго міроваго владыки—Рима; не стало въ немъ славныхъ поэтовъ, замолкли рѣчи блестящихъ ораторовъ, живымъ словомъ увлекавшихъ народныя толпы—умалается и меркнетъ блескъ занимающаго насъ искусства. Но, когда свѣтъ Христа ученія озарилъ всѣ концы земли, приходившее въ забвеніе изобрѣтеніе Тирона воскресаетъ къ новой жизни.

Уже св. Фабіанъ, епископъ римскій съ 236—251 г., какъ и св. Климентъ, занимавшій эту кафедру въ первомъ вѣкѣ, имѣлъ нѣсколько иподіаконовъ—знавшихъ „тироновы знаки“,—съ тою цѣлью, „ut gesta martyrum in integrum colligerent“ („чтобы они сдѣлали полное собраніе актовъ о мученикахъ“). Св. Кипріанъ, епископъ кареагенскій, жившій въ половинѣ III вѣка, не только прекрасно зналъ „тироновы знаки“, но, на основаніи знакомства съ ними, изобрѣлъ свою новую, болѣе совершенную, систему письма для христіанъ, которая имѣла значительное распространеніе. У св. Игнатія Богоносца († 107 г.) было два лица, записывавшихъ всѣ его поученія къ народу: Гай и Агатошъ. Въ сочиненіи одного учителя церкви, между прочимъ, находится указаніе на обязанность древнихъ тахиграфовъ—записывать публичныя пренія; такъ-какъ выраженіе, подобное слѣдующему: „Post haec Polemon, cum cerae Notarius quae respondebantur imprimeret, ait ad Pionum“ etc (т. е. „затѣмъ Полемонъ, когда нотарій записалъ на вошеной табличкѣ всѣ отвѣты, говоритъ къ Піону“...)—означаетъ, конечно, тѣ требованія, которыя предъявлялись быстрописцамъ, знавшимъ „тироновы знаки“. Славный въ древности городъ Сирія Антиохія тоже имѣлъ во времена распространенія тамъ христіанства своихъ стенографовъ—христіанъ. Горячія пренія членовъ антиохійскихъ соборовъ въ 284 и 296 г.г. противъ еретика Павла Самосатскаго были точно записаны „celeribus notariis, qui verba omnia chartis exciperent dispositis“ (быстрыми нотаріями, которые отмѣчали всѣ слова на разложенныхъ предъ ними хартіяхъ).** Св. Василиій Великій тоже превос-

*) Martialis, lib XIV. **) Nicephori Call. Eccles. Hist. VI, 28; также: Eusebii Pamphili Eccles. Hist. VII, 29.

ходно понималъ важность разбираемаго нами искусства и зналъ его.**) Въ древней христіанской церкви нерѣдко знатоки тахиграфіи были въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ епископамъ, такъ-какъ, помогая имъ въ письменныхъ работахъ, они въ тоже время состояли чтецами или діаконами при известной церкви, о чемъ можно встрѣтить достаточно свидѣтельствъ у греческаго историка Никифора Каллиста, жившаго въ 14 вѣкѣ.

И въ Африкѣ, сдѣлавшейся предметомъ европейскихъ изысканій только со времени экспедиціи Генриха Мореплавателя (1394—1403 г.), знакомы были отчасти съ сокращеннымъ письмомъ въ далекія отъ насъ времена: всѣ разсужденія и рѣчи участниковъ кареагенскаго собора въ 411 году, гдѣ гремѣлъ противъ донатиковъ, между прочими, и Августинъ Блаженный, были записаны самымъ искуснымъ тахиграфомъ, котораго исторія величаетъ словами: „vir clarissimus tribunus et notarius“ („славный начальникъ города и нотарій.“) Знаменитый Оригенъ (185—253 г.), оставившій до 6 тысячъ сочиненій, писалъ ихъ болѣею частью способомъ стенографическимъ.

Много христіанскихъ епископовъ третьяго и четвертаго вѣковъ, въ томъ числѣ и Амвросій Медиоланскій (340—397), имѣли при себѣ тахиграфовъ, которые облегчали ихъ занятія; исторія сохранила намъ даже имена нѣкоторыхъ изъ нихъ. Таковъ былъ напр. нѣкто Мелонитанъ—„strenuus in notis et in scribendo bene laboriosus“ (искусный тахиграфъ и трудолюбивый секретарь.) Что славный Іоаннъ Златоустъ (347—407) г. тоже писалъ свои многочисленныя поученія и толкованія сокращенно—стенографически, доказательствомъ этому служить найденная по кончинѣ его хартія, заключавшая въ себѣ толкованія на посланіе св. апостола Павла къ евреямъ. Она вся была исписана знаками тахиграфическими. Рѣчи святыхъ Кирилла Іерусалимскаго и Григорія Назіанскаго о религіи христіанской были записаны, благодаря краткимъ знакамъ. Послѣдній святитель въ одной изъ рѣчей своихъ,** между прочимъ, говоритъ: „привѣтствую васъ, слушатели моихъ словъ, ваши многочисленныя собранія и тросники какъ явные, такъ и тайные.“ (Здѣсь, конечно, заключается намекъ на тѣхъ лицъ, которыя записывали его слова открыто или тайкомъ.) О св. Епифаніи, епископѣ Павіи, известно, что онъ былъ опытнымъ тахиграфомъ своего времени, такъ-какъ умѣлъ писать знаками и сокращеніями. Что и техника древней краткописи была достаточно развита въ эпоху отцовъ церкви, подтвержденіемъ могутъ служить слова, которыя мы находимъ относительно одного нотарія въ письмахъ Гиролама***. Онъ говоритъ, что „рука тахиграфа такъ быстра, что можетъ поспѣвать за скоро

*) Ep. CLXXVIII. **) Orat. XXXII. ***) Ep. LXV.

сказаннымъ, и что значки словъ идутъ въ уровень съ быстротой произношенія“.. („*quae velox edita velox consequeretur manus, et linguae celeritatem prenderent signa verborum.*“) Другой искусникъ въ этомъ дѣлѣ называется „*notarius ex numero notariorum.*“

Изъ всѣхъ указанныхъ фактовъ становится очевиднымъ, какъ значительно была распространена краткопись въ славную эпоху великихъ отцовъ и учителей церкви. Можно сказать, что тогда въ предѣлахъ нынѣшней Франціи и Италіи почти не было ни одного епископа, который не имѣлъ-бы при себѣ тахиграфа, ни одного ученаго мужа, ни въ Европѣ, ни въ М. Азій, который пренебрегалъ-бы искусствомъ стенографіи и не пользовался-бы имъ въ извѣстныхъ случаяхъ; памятники называютъ нѣкоторыхъ тахиграфовъ прямо церковными, какъ былъ напр. нѣкій Петръ—*Notarius Sanctae Ecclesiae Neapolitanae*—при церкви въ Неаполѣ.

Исторія краткописи послѣ этого времени до самаго нашего столѣтія не представляетъ ничего особено выдающагося, и вообще о ней не много извѣстно. Да стоитъ только припомнить, что пережила Европа въ этотъ длинный рядъ вѣковъ, чтобы понять, почему такъ долго заброшено и забыто было дивное искусство древняго міра—*praerogis dextrae fuga loquentem praevenire* („опережать говорящаго крылатой рукой.“) Падаютъ Западная римская Имперія, передвигаются свѣжіе, еще дикіе, народы въ мѣста бывшихъ римскихъ провинцій, осѣдаютъ, образуютъ государства, постоянно борются между собою; вскорѣ возгорается борьба нашъ съ императорами; далѣе зашумѣли крестовые походы, и вмѣстѣ возрастала вражда и ненависть городовъ противъ феодальныхъ владѣльцевъ, этихъ послѣднихъ противъ королей... Рѣшались жгучіе, жизненные вопросы цѣлыхъ народовъ, работали больше копьемъ и мечомъ, чѣмъ перомъ, и некогда было думать объ усовершенствованіяхъ въ такой области, какъ письмо, которое и безъ того было удѣломъ немногихъ, большею частью духовныхъ лицъ. Блестящее средневѣковое рыцарство утопало во мракѣ невѣжества, считая всѣ науки „поповскими хитростями,“ о которыхъ не долженъ былъ заботиться образцовый рыцарь. Отъ такого цвѣта общества ничего нельзя было ожидать для развитія наукъ. Въ ужасныя времена „святѣйшей инквизиціи,“ всевозможныхъ реформаторскихъ движеній въ средней Европѣ и не прекращавшихся войнъ зарождавшимся новымъ наукамъ жить было еще крайне трудно: это было время, когда возбуждались еще судебные процессы противъ типографскаго искусства, когда первые работники его гибли, какъ волшебники, въ темницахъ и на кострахъ, когда лучшіе врачи (подобно Парацельзу въ XVI в.) изучали еще свою мудрость у колдуній, а алхимики серьезно трудились надъ составленіемъ философскаго камня и находженіемъ лѣкар-

ства отъ всѣхъ болѣзней... Могло-ли имѣть для себя мѣсто наше искусство, когда еще не существовало самыхъ условій для развитія его—народнаго просвѣщенія и здравой науки?

Въ 17 и 18-мъ вѣкахъ, при болѣе разившейся умственной и политической жизни Европы, немногіе европейскіе короли, по всей вѣроятности, имѣли у себя „графодромовъ“; но ихъ оригинальныя, неуклюжія системы прожили слишкомъ мало времени и не получили почти никакого распространенія. Болѣе вѣрныя свѣдѣнія объ особенномъ примѣненіи краткописи не восходятъ раньше конца прошлаго вѣка. Такъ, есть извѣстіе, что большинство бурныхъ преній въ засѣданіяхъ законодательнаго собранія (*Assemblée nationale législative*) въ эпоху французской революціи 1791 и 1792 г.г., въ Парижѣ, были записаны двѣнадцатью скорописцами вмѣстѣ за тагъ называемымъ „круглымъ столомъ *Леодea*“, при чемъ каждый изъ нихъ писалъ лишь по нѣсколько словъ и затѣмъ, толкая своего товарища, давалъ ему знать, что настала его очередь. Однако, работа эта была не особенно совершенна; чувствовалась необходимость въ созданіи краткаго письма, при помощи котораго можно было-бы записывать публичныя рѣчи, пользуясь услугами самаго ограниченнаго числа лицъ.

И вотъ, чтобы удовлетворить нарождающейся потребности общества, въ началѣ нынѣшняго столѣтія выступаютъ нѣсколько лицъ съ своими оригинальными теоріями краткописи. Таковъ былъ напр. *Астье*, графодромъ французскаго короля Людовика XVIII, издавшій въ 1816 году свою „Графодромію, или быстропись,“ и своей популярностью въ Парижѣ едва-ли уступавшій знаменитому предшественнику своему на поприщѣ стенографическаго искусства—*Пьеру Теодору Бертену*. На той-же французской почвѣ вскорѣ потомъ является „Оксиграфія“ *Бланжа*, въ 1819 г., который за свое искусство получилъ даже перстень отъ нашего императора Александра Благословеннаго, во время пребыванія его въ Парижѣ. Затѣмъ постепенно выходятъ въ свѣтъ труды: *Фоссе* (въ 1829 г.) и *Скотъ-де-Мартенвиля* (въ 1849 г.), посвященные исторіи стенографіи вообще, а также и изслѣдованію старыхъ французскихъ системъ скорописи. Въ настоящее время во Франціи господствуетъ геометральная система аббата *Эмиля Дюплѣе* (*Duployé*); существуетъ также система *Prévost-De-launay*, имѣющая свой органъ „*L'unité sténographique.*“ Система Дюплѣе, какъ не построенная на строгихъ научныхъ началахъ, рано или поздно будетъ вытѣснена болѣе рациональнымъ графическимъ методомъ краткописи, примѣненнымъ къ особенностямъ французскаго языка.

Въ Англіи, гдѣ первсю попытку въ составленіи національной стенографической системы обыкновенно считается трудъ

Джона Виллмса (1602 г.)* еще въ 1736 году, т. е. почти 150 лѣтъ назадъ, нѣкто Филиппъ *Джиббс* написалъ краткій очеркъ исторіи стенографіи; но онъ далеко не имѣлъ такого успѣха, какъ явившійся въ 1816 г. трудъ Джемса Генри *Левиса*, съ достаточной полнотой освѣтившій далекое прошлое тахиграфій. Въ наше время въ Англіи распространены, по преимуществу, стараго типа геометральныя системы, возникшія въ началѣ нынѣшняго столѣтія: *Питмана*, *Телера*, *Эверетта*, *Гёрни*, (*Gurney*), *Левиса* и нѣкоторыя другія, — менѣе извѣстныя. Болѣе новая теорія—Эверетта, наиболѣе же популярная система Питмана.** Изъ числа стенографовъ при редакціяхъ лондонскихъ газетъ—послѣдователи теоріи Питмана составляютъ въ настоящемъ году около 54%, глава ихъ знаменитый Томасъ Ридъ, предсѣдатель лондонскаго стенографическаго общества „The Shorthand-Society.“ Хотя недавно нѣкто Слоанъ передѣлалъ французскую систему Дюплёе примѣнительно къ англійскому языку и увѣряетъ англичанъ, что его система—Sloan—Duployé—составитъ новую эру въ фонографіи, что она четка, какъ печать, кратчайшая изъ всѣхъ, существующихъ на свѣтѣ, и изучается всего въ двѣ недѣли, — лондонскіе дѣльцы что-то плохо принимаютъ это къ свѣдѣнію, такъ-какъ послѣдователей новой системы не нашлось еще ни одного. Однако это уже показываетъ, что и въ Англіи, какъ въ Германіи, возгорѣлась борьба между различными системами краткописи, и что геометральныя системы ея въ недалекомъ будущемъ должны будутъ уступить мѣсто болѣе совершенному письму—г р а ф и ч е с к о м у.

Въ странѣ нашихъ заатлантическихъ друзей, въ *Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ*, развитіе стенографіи въ настоящее время *огромное*, и въ этомъ отношеніи Штаты не знаютъ соперниковъ себѣ на цѣломъ свѣтѣ. Тамъ стенографія не только сдѣлалась важнымъ подспорьемъ для всѣхъ тружениковъ мысли, но начинаетъ серьезно проникать и въ общественную жизнь, во всѣхъ ея слояхъ; ей обучаются въ элементарныхъ школахъ и мальчики, и дѣвочки. Въ 1882 году въ этомъ государствѣ считалось 276 стенографическихъ учи-

*Сочиненіе это разошлось еще въ ту пору въ количествѣ до 10000 экземпляровъ.

**Какъ сильно заинтересованы вообще всѣ страны, говорящія англійскимъ языкомъ, стенографіею, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить степень распространенія изданій знаменитаго изобрѣтателя „Фонографіи“ Исаака Питмана: его „Manual“ до настоящаго года разошелся въ 425 тыс. экземпляровъ (со времени изданія), „Phonographic Teacher“ въ 884000 экз., и „Phonetic Journal“ еженедѣльно выходитъ въ количествѣ болѣе 17 тысячъ экз.

лицъ съ 10625 учащимися; теперь же, по словамъ Брауна, это число почти удвоилось. Въ одномъ Чикаго, который называютъ метрополіей американской стенографіи, теперь болѣе 26 хорошо организованныхъ и исправно посѣщаемыхъ стенографическихъ школъ. Вотъ краснорѣчивыя цифры, наглядно показывающія, какъ глубоко сознали сѣвероамериканцы нужду краткописи въ современной жизни! Къ этому излишнимъ будетъ добавить, что въ стенографическихъ институтахъ, гдѣ преподаютъ такія знаменитости, какъ Питманъ, Куртисъ Гавенъ, число слушателей доходитъ до почтенной цифры 500—700! Очень распространены въ С. Америкѣ и находятъ себѣ практическое примѣненіе геометральныя системы: *Исаака* и *Веніамина Питмановъ*, *Мурсона*, *Грэма* (*Graham*), *Линдслея* и еще цѣлый рядъ старыхъ англійскихъ системъ. Въ Чикаго какой-то г. White выступилъ недавно съ своей оригинальной теоріей фонографіи, называя себѣ борцомъ за фонографію во всемъ мірѣ („champion phonographer of the world“), но онъ пользуется такимъ же успѣхомъ, какъ упомянутый выше Слоанъ въ Лондонѣ. Къ чести американскихъ стенографовъ нужно сказать, что, не смотря на различіе системъ, какихъ они придерживаются на практикѣ, имъ совершенно неизвѣстна та непріязнь, которою во многихъ случаяхъ, къ сожалѣнію, характеризуются отношенія между представителями различныхъ стенографическихъ школъ въ Европѣ, особенно—нѣмецкими. Янки считаютъ безтактнымъ дѣломъ мѣшать работѣ другаго, и, если кого интересуютъ преимущества той или другой стенографической системы, тотъ изучаетъ ихъ обѣ и, сравнивши, примѣняетъ на дѣлѣ лучшую. Практическое достоинство системы и ея эластичность у нихъ считается лучшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ для ея оцѣнки. Янки—прежде всего практики, и теорія у нихъ отходитъ на второй планъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что стенографія въ Америкѣ служитъ, преимущественно, своему *спеціальному* назначенію, т. е. для записыванія рѣчей, проповѣдей и подоб.; для упрощенія же обыкновеннаго письма въ корреспонденціи изобрѣтательныя янки пользуются услугами двухъ пишущихъ машинъ, мало-по-малу распространяющихся и въ Европѣ,—именно такъ-называемымъ „типъ-райтеромъ“ Ремингтона (*Remington's Type-Writer*) и „Каллиграфомъ“ Юста (*Jost's Calligraph*).^{*} Поставивъ своимъ девизомъ „Time is money“—время-деньги, американцы не хотятъ даже и писать руками, какъ это дѣлается еще въ другихъ странахъ: вырази-

^{*}Въ Россіи есть уже одна пишущая машина Ремингтона, при-мѣненная къ печатанію русскими буквами талантливымъ труженикомъ въ области стенографіи С. М. Д л у с с и м ѣ.—Въ Россію она привезена въ мартѣ мѣсяцѣ настоящаго года изъ Америки

тельное, отчетливое письмо печатными буквами, каких угодно размеров, на помянутых машинах способствовало их всеобщему распространению не только в коммерческом мире, для торговой корреспонденции, но почти и во всех присутственных местах. Знаютъ дѣла писать на этой машинѣ любымъ шрифтомъ отъ 70 до 80 словъ въ минуту! Стенографамъ, заваленнымъ работою, машины сокращаютъ раза въ три время для перевода стенограммъ на обыкновенное письмо. Однимъ словомъ, можно сказать, что стенографы и пишущія машины нашли себѣ за океаномъ самый радушный приемъ, и тамъ нѣтъ стенографа безъ пишущей машины, и рѣдко есть пишущая машина тамъ, гдѣ не было-бы стенографа.

Широкое распространение въ послѣднее время нашла наша наука—искусство и въ маленькой *Швейцарии*. На значительно меньшемъ пространствѣ, чѣмъ наша Петербургская губернія, работаетъ тамъ около 2½ тысячъ стенографовъ, т. е. приходится по одному стенографу на 1200 человекъ, тогда какъ у насъ едва-ли придется по одному на цѣлый миллионъ жителей. Разница поразительная! Процентное отношение по системамъ слѣдующее: послѣдователей системы Штольце 81%,—Габельсбергера—18% и Арендса—1%. Замѣтимъ еще, что въ недавнее время профессоръ графическихъ искусствъ въ городѣ Лозаннѣ Auguste Maillard предложилъ свою новую методу письма, названную имъ „Néographie“ („новое письмо“)—для облегченія лицъ, обремененныхъ корреспонденціей всякаго рода. Авторъ увѣряетъ, что его письмо избавитъ всякаго, познакомившагося съ нимъ, и отъ сложныхъ начертаній буквъ, и отъ трудностей орфографическихъ; его „Néographie“ нѣчто среднее между обыкновеннымъ письмомъ, называемымъ имъ „классическимъ“, и стенографіей.

Въ небольшихъ сѣверныхъ государствахъ Европы, затѣмъ въ *Румыніи*, возражающейся *Болгаріи* мало-по-малу начинаютъ изучать стенографію, по образцу болѣе культурныхъ странъ. Въ *Австро-Венгріи* она преподается даже въ нѣкоторыхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ обязательный предметъ. Въ *Испаніи* было уже за нѣсколько десятковъ лѣтъ до 13 изобрѣтателей плохихъ стенографическихъ теорій; теперь тамъ болѣе другихъ—извѣстна передѣлка труда г. Martí: „Tratado de Taquigrafía ó arte de escribir siguiendo la rapidez de la palabra. Por Don Carlos Maria Gaya y Marzal.“ Твореніе донъ-Карлоса Гайя для практическаго примѣненія, вслѣдствіе трудности начертанія и безобразной формы знаковъ, имѣетъ весьма мало основаній.

Въ *Италіи*, рядомъ съ неудачными попытками Ламоника, Маджи и Микела устроить приборы для механическаго стенографирования, рас-

пространялась и теперь нашла себѣ достаточно радушный приемъ система Габельсбергера, въ примѣненіи профессора Генриха Ноэ.

Что касается *Германіи*, двумъ гениальнымъ сынамъ которой Габельсбергеру и Штольце принадлежитъ честь изобрѣтенія и разработки графическихъ системъ краткописи, то въ началѣ нынѣшняго столѣтія мы уже застаемъ въ ней довольно извѣстную теорію стенографіи Фридриха *Моземейля*, издавшаго свое сочиненіе по этому предмету въ г. Іенѣ въ 1819 г. Почти одновременно съ выходомъ этого труда, одинъ баденскій чиновникъ, Юлій *Лейхтленз*, выпустилъ въ свѣтъ свое „руководство къ искусству быстрого письма“ („Anleitung zur Geschwindschreibekunst.“) Интересно познакомиться съ его взглядомъ на пользу стенографіи: въ немъ слышится голосъ передоваго человека начала XIX столѣтія. „Примѣненіе краткописи, говоритъ свидѣтель еще зачаточнаго состоянія графической стенографіи,—требуется въ четыре раза меньше времени, труда и бумаги, чѣмъ обыкновенное писаніе. Это такое письмо, которое помѣщаетъ „Отче нашъ“ въ одной строчкѣ и „Musarion“ Виланда на трехъ страницахъ,—письмо, которое имѣетъ одинаковую скорость съ произносимымъ и въ 30 минутъ оканчиваетъ то, на что не достаточно будетъ и 2 часовъ, и которое заслуживаетъ, конечно, хоть нѣкотораго вниманія за такое сбереженіе, не говоря уже о той бодрости и полнотѣ силъ, какую даетъ людямъ краткопись при ихъ ученыхъ трудахъ. Не связанныя между собой мысли безъ торопливости могутъ быть такимъ образомъ приведены въ порядокъ. Часто люди съ самымъ здравымъ разсудкомъ и живѣйшимъ воображеніемъ обладаютъ невѣрной памятью; для такихъ лицъ должно рекомендовать это быстрое письмо самымъ настойчивымъ образомъ.“

Мыслители, судьи, ораторы, изслѣдователи въ области исторіи, купцы, путешественники,—короче, все лица, которыя по обязанности или по собственному желанію часто держать въ рукѣ перо, при употребленіи краткописи, найдутъ легкое средство ежедневно работать свободнѣе и быстрѣе. Тамъ, гдѣ въ тиши кабинета мысль расширяется все въ болѣе свѣтлые образы, стенографія освобождаетъ ее отъ оковъ долгаго письма, которое и воображеніе дѣлаетъ, такъ сказать, работою руки, и очень скоро охлаждаетъ увлеченіе работою. Кто, отсылая письмо, иногда не написалъ-бы въ немъ еще больше, если-бы ему не препятствовали тѣсныя границы мѣста и времени?

При помощи краткописи мы можемъ съ особенною пользою посѣщать библіотеки, музеи, даже самыя зрѣлица; изъ книги, предложенной намъ на нѣсколько минутъ, мы можемъ быстро сдѣлать нужныя замѣтки. Особенно полезно можетъ показать себя стенографія учащемуся, позволяя ему безъ усталости слѣдовать за словами

учителя и вмѣстѣ съ тѣмъ обдумывать ихъ во время записыванія, вслѣдствіе чего значительно облегчается обзорѣніе всего цѣлаго.

Локкъ (1632—1704 г.) въ своемъ превосходномъ „Essay on education“ ясно упоминаетъ о стенографіи, какъ о полезномъ искусствѣ; и извѣстный Молино (1640—1696 г.) въ одномъ письмѣ своемъ къ Локку говоритъ между прочимъ: „мой сынъ долженъ былъ изучить краткопись, собственно, не для публичнаго, но для частнаго употребленія. Она, вѣрнѣе мнѣ, есть весьма необходимое знаніе для ученыхъ и дѣловыхъ людей; я очень сожалѣю, что не усвоилъ ея себѣ, потому что научился узнавать ея цѣну по тѣмъ преимуществамъ, которыя извлекали изъ нея другіе“.

Такъ высоко цѣнили разсматриваемое нами искусство лучшіе европейскіе умы даже тогда, когда истинная, разработанная на научныхъ началахъ, стенографія еще только что зарождалась.

Полный переворотъ въ области краткописи произвело твореніе знаменитаго мюнхенскаго стенографа Франца Ксаверія *Габельбергера* (1789—1849 г.)—„Anleitung zur deutschen Redenzeichenkunst, oder Stenographie, München 1834.“ Ему первому пришла въ голову счастливая мысль, взять для стенографическихъ знаковъ простѣйшіе элементы изъ обыкновенныхъ рукописныхъ буквъ. Такимъ образомъ, послѣ семнадцати-лѣтнихъ неутомимыхъ работъ въ области графики и изслѣдованія древнихъ тироновыхъ нотъ, онъ создалъ свою теорію, которая нашла тысячи приверженцевъ въ сѣверной и юго-восточной Европѣ; особенно распространена система Габельбергера въ южной Германіи. Главный недостатокъ ея—*произволъ въ письмѣ*, вытекающей, какъ слѣдствіе, изъ основнаго положенія теоріи—возможно широкаго примѣненія такъ-называемыхъ „логическихъ сокращеній“.

Ученая Пруссія выдвинула своего гениальнаго изобрѣтателя стенографической системы *Вильгельма Штольце* (1798—1867 г.), который указалъ стенографіи новый, широкій путь, до него еще никѣмъ не намѣченный. Различныя системы до Штольце (включая сюда и систему Габельбергера, которая и названа имъ „искусствомъ рѣченачертанія“) имѣли исключительно задачею своею *письменно слѣдовать за произносимыми словами*; на этомъ и были пробуемы всѣ теоріи стенографіи, предшествовавшія труду Штольце; послѣдній же, напротивъ, стремился создать новое краткое письмо, которое болѣе соответствовало-бы нашему времени и сдѣлалось-бы общеупотребительнымъ, проникая мало-по-малу въ жизнь народа. Стенографія въ этомъ новомъ свѣтѣ является *естественною, исторически необходимою наследницею и преемницею общепринятой скорописи*, какъ эта послѣдняя вѣками, шагъ за шагомъ, переживъ безчисленныя формации, развилась изъ гіероглифовъ и за-

няла ихъ мѣсто. Въ этомъ-величайшая заслуга Вильгельма Штольце въ исторіи обще-человѣческаго прогресса.

Необыкновенно трудолюбивая жизнь Штольце, заставлявшая его дорожить каждою минутою, чтобы обезпечить существованіе своего семейства, окончательно убѣдили его въ томъ, что съ вялымъ и медленнымъ письмомъ, знакомымъ каждому съ дѣтства, въ нашъ вѣкъ далеко не уѣдешь; что должно быть создано упрощенное, какъ-бы *одухотворенное* письмо, въ которомъ было-бы гораздо болѣе души, ума, чѣмъ тѣла или матеріи, и которое въ маломъ вмѣщало-бы многое.

Твореніе Штольце: „*Teoretisch-practisches Lehrbuch der deutschen Stenographie*“, изданное въ двухъ частяхъ въ Берлинѣ, въ 1841 году, блестяще разработанное, воплотило въ себѣ идеалы, предносившіеся уму этого гениальнаго изобрѣтателя новѣйшей графической системы краткописи. *)

Письмо Штольце, всецѣло построенное на законахъ роднаго языка и физиологіи человѣческихъ звуковъ, нисколько не уступая габельбергеру въ возможности записывать самыя быстрыя, рѣчи, въ тоже время, безъ сомнѣнія, превосходитъ его какъ по большей простотѣ своихъ знаковъ, такъ, въ особенности, и по *строгой систематизаціи* своихъ основныхъ законовъ. Вслѣдствіе этого стенографія Штольце—*одна изъ самыхъ точнѣйшихъ и совершеннѣйшихъ въ мірѣ*; а точность, по словамъ Рида, есть сущность стенографіи, и приобрѣтеніе ея-есть приобрѣтеніе большой цѣны.

На трудѣ Вильгельма Штольце мы остановились долѣе потому, что самыя лучшія работы въ области русской стенографіи посвящены его системѣ, примѣненной къ особенностямъ нашего языка г.г. *Паульсономъ* и *Мессеромъ*. Это примѣненіе нисколько не уступаетъ самому оригиналу по детальной, самобытной разработкѣ отдѣловъ русской краткописи. Прекрасно также изложеніе той-же теоріи Штольце во всѣхъ стенографическихъ изданіяхъ г. *Длусскаго*. Нужно еще здѣсь прибавить, что *система Штольце изучается легче всѣхъ другихъ, благодаря крайней ясности своихъ строго-выдержанныхъ повсюду правилъ.* **)

*) Сочиненіе это уже имѣло 43 изданія, и каждое расходилось въ 5 тысячахъ экземпляровъ! **) Можно рекомендовать слѣдующіе лучшіе учебники русской стенографіи по системѣ Штольце: 1) „Практическое руководство къ изученію русской стенографіи“ Паульсона и Мессера; 2) „Самоучитель русской стенографіи“ С. Длусскаго; 3) „Русская стенографическая хрестоматія“ С. Длусскаго въ 2 частяхъ, (пособіе къ самоучителю“ его-же.) и 4) „Обученіе стенографіи въ 6 письмахъ“ С. М. Длусскаго. Изд. 2-е, исправ. и дополн. Кіевъ. 1884 и 1885 г.г. (Вышли письма первое, второе и третье.)

На изданіяхъ тахиграфіи, окиграфіи, графодроміи г.г. Анри (1792 г.), Годфруа, барона Модеста Андреевича Корфа, въ началѣ настоящаго столѣтія, затѣмъ на твореніи генераль-лейтенанта Иванина, въ 50-хъ годахъ и многочисленныхъ, но неудачныхъ примѣненіяхъ габельсбергеровой теоріи къ русскому языку, а равно и на „слуховомъ письмѣ“ г. Терне, мы останавливаться не будемъ, такъ-какъ эти системы у насъ мало извѣстны.

Переходимъ теперь къ существеннѣйшей части нашего очерка къ вопросу о пользѣ стенографіи. Если-бы насъ спросили, кому, въ особенности, можетъ быть полезна стенографія, то мы смѣло должны отвѣтить: стенографія будетъ полезна всякому образованному человеку, всякому лицу, стремящемуся къ продолженію своего образованія, въ особенности-же, тѣмъ труженикамъ мысли, которые заняты день и ночь письменными работами и которые должны потому дорожить каждымъ мгновениемъ, всему назначая и свое время, и свое мѣсто. И кто изъ этихъ работниковъ пера не ощущалъ иногда на себѣ, что въ нашъ вѣкъ кипучей жизни, когда человѣскій геній, окутавъ цѣлый міръ безконечными электрическими проводниками и изрѣзавъ большую часть земли совершеннѣйшими путями сообщенія, побѣждаетъ самое время и пространство,—только общепринятое письмо своею медленностью совсѣмъ не соотвѣтствуетъ этому быстро текущему потоку жизни, и что онъ, писатель, вѣчно какъ-бы прикованъ къ своимъ буквамъ?.. А между-тѣмъ мысли въ головѣ его текутъ несравненно скорѣе! Развѣ выдумки отдѣльныхъ лицъ изъ-за шутки вызвали на свѣтъ Божій всѣмъ извѣстныя нѣкоторыя сокращенія въ нашемъ обыкновенномъ письмѣ,—каковы: и т. д., и пр., и т. под., р. (рубль), к., коп. (копейка.), г. (годъ), с. г. (сего года), с. м. (сего мѣсяца), напр., ст. ж. д., М. Г., сокращенія телеграфистовъ, пишущихъ въ названіяхъ мѣстностей только однѣ согласныя, и другія, а не настоящая нужда какъ-нибудь сократить часто встречающіеся обороты въ рѣчи? Не та-же ли нужда побуждаетъ лицъ, много пишущихъ, образовывать изъ обыкновеннаго письма, самымъ различнымъ образомъ, (напр. чрезъ опущеніе окончанія, чрезъ обозначеніе только начальныхъ и конечныхъ буквъ словъ или только однѣхъ начальныхъ буквъ и пр.) свой собственный родъ **краткописи**, который, по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, будетъ трудно прочесть даже самому писавшему, не говоря уже о лицахъ постороннихъ.

Незамѣнимою является стенографія, когда требуется безусловно сберечь и время, и мѣсто, т. е., когда можно воспользоваться лишь нѣсколькими десятками минутъ и самымъ незначительнымъ кускомъ бумаги, въ силу какихъ-либо обстоятельствъ. Особенно часто это встрѣ-

чается во время войны. Бывшій директоръ королевскаго стенографическаго института въ Дрезденѣ, тайный совѣтникъ Гепе, вотъ что высказалъ, между прочимъ, о занимающемъ насъ предметѣ. „Стенографія во всякомъ случаѣ есть средство, при помощи котораго можно на относительно маломъ мѣстѣ выразительно и четко написать относительно большую сумму словъ и предложений. Это свойство составляетъ также одно изъ ея достоинствъ; она служитъ вовсе не для того, чтобы помочь привыкшему къ обыкновенной скорописи—какимъ либо фокусомъ, напр. дать возможность написать „Отче нашъ“ на поготкѣ совершенно четко. Наше время представляетъ много случаевъ, когда является необходимость въ сбереженіи мѣста. Такъ, напр., въ послѣднюю войну (франко-прусскую 1870—1871 г.г.) сынъ одного стенографа присылалъ съ поля битвы своимъ родителямъ почтовые карточки, содержаніе которыхъ въ переводѣ на обыкновенный шрифтъ заняло-бы 1¼ (большаго) листа. Вспомню, далѣе, говоритъ Гепе,—о голубиной почтѣ, которая играла въ эту войну такую большую роль, и при пользованіи которой необходимо на возможно меньшемъ объемѣ написать возможно больше.“ Конечно, господа мѣмцы, между которыми такъ распространена стенографія, что почти въ каждомъ городѣ существуютъ посвященные ей общества, и часто устраиваются публичные курсы стенографіи,—и на войнѣ часто пользовались искусствомъ стенографіи и были отъ этого только въ выигрышѣ.

Всякій, заботящійся о своемъ развитіи, слѣдитъ за литературою, читаетъ книги; но чтеніе ихъ бываетъ только тогда благотворно, когда оно сопровождается цѣлесообразными замѣтками, извлеченіями изъ читаннаго, которыя даютъ возможность усвоить нужное содержаніе безъ особеннаго труда. Но подобнаго рода замѣтки изъ читаннаго соединены съ болѣе или менѣе значительной затратой времени и потому для очень многихъ кажутся крайне тягостнымъ дѣломъ; при употребленіи же письма стенографическаго, все принимаетъ иной оборотъ. Такія замѣтки знакомому съ краткописью покажутся самымъ пустякомъ, потому-что стоитъ употребить лишь нѣсколько минутъ, и въ его книжкѣ уже будетъ красоваться нѣсколько сотенъ словъ. При помощи стенографіи очень легко ученому человеку собирать нужный для его работъ матеріалъ и немедленно записывать тѣ мысли, которыя онъ только-что успѣлъ зрѣло обсудить въ своемъ умѣ.

Изобрѣтатель совершеннѣйшей системы краткописи Вильгельмъ Штольце приводитъ слѣдующій историческій фактъ, указывая на огромную пользу стенографіи для всѣхъ ученыхъ. „Цѣлесообразныя извлеченія, къ которымъ обыкновенно прилагаются еще особыя записки,—говоритъ Штольце,—обеспечиваютъ для человѣка на всю жизнь

обладаніе прочитаннымъ; они часто избавляютъ его отъ требующаго достаточнаго времени вторичнаго прочтенія цѣлаго сочиненія и составляютъ великое подспорье при ученыхъ работахъ. Іоаннъ *Мюллеръ* дѣлалъ для себя историческія извлеченія изъ писателей стараго и новаго времени, продолжая ихъ даже за десять дней до своей смерти; они обнимали 1733 авторовъ, были всѣ на нѣмецкомъ языкѣ, но такъ сокращенно написаны, что нужно было много усилій для знатока исторіи и названныхъ авторовъ, чтобы читать эти выписки скоро и правильно. Въ какой значительной степени трудъ его былъ-бы облегченъ, если-бы онъ могъ воспользоваться пригоднымъ для такого дѣла письмомъ стенографическимъ?⁶

Въ полную противоположность такому крайне кропотливому труду ученаго, можно привести образъ занятій знаменитаго естествоиспытателя, доктора Альфреда Брема, автора извѣстной всему образованному міру „*Иллюстрированной жизни животныхъ*.“ Какъ знатокъ стенографіи, онъ сумѣлъ сдѣлать эту науку важной пособницей въ своихъ ученыхъ трудахъ. Работая надъ „*Иллюстрированной жизнью животныхъ*“, время отъ 6 до 8 часовъ утра онъ посвящалъ изученію матеріаловъ, а затѣмъ къ нему являлись два стенографа, принимавшіе участіе и въ его прежнихъ изданіяхъ. Тогда Бремъ закуривалъ свою неизмѣнную сигару, медленно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, диктуя стенографамъ текстъ, и при томъ онъ такъ прекрасно располагалъ одну фразу за другой, что впоследствии почти не требовалось даже самой незначительной корректуры. Работа эта продолжалась ежедневно до обѣда отъ 8—10 и послѣ обѣда отъ 2 до 4 часовъ. На слѣдующее утро стенографы вручали Брему продиктованный текстъ, переведенный уже на обыкновенное письмо; все это присоединялось къ прежде написанному, и работу можно было продолжать. Въ разсказахъ своихъ о путешествіи въ русскую Сибирь въ 1876 году, Бремъ любилъ сообщать слушателямъ нерѣдко даже содержаніе нѣкоторыхъ киргизскихъ пѣсенъ, которыя онъ записалъ, *благодаря знанію стенографіи*. Ему случалось охотиться вмѣстѣ съ киргизами въ степяхъ, недалеко отъ границъ Китая. За первобытнымъ обѣдомъ какой-нибудь киргизъ безъ стѣсненій пѣлъ свою пѣсню, восхваляя охоту и родныя, необъятныя степи. Тогда Бремъ просилъ переводчика объяснить ему пѣсню и, къ удивленію окружающихъ, записывалъ такъ быстро, какъ говорилъ толмачъ. Свой дневникъ во время путешествія онъ также велъ стенографически и, когда сходила тетрадка, онъ отсылалъ ее въ Берлинъ къ супругѣ, которая тоже знала стенографію и переводила дневникъ мужа на обыкновенное письмо; такъ,—что Бремъ къ возвращенію своему нашелъ уже прекрасно обработаннымъ все, что успѣлъ набросать на бумагѣ своимъ „летучимъ“

карандашемъ въ чужихъ далекихъ краяхъ. Такимъ образомъ, письмо неприхотливое, требующее для себя очень мало времени и мѣста, послужило ему добрую службу, какъ въ ученомъ кабинетѣ, такъ и на безграничномъ просторѣ азіатскихъ степей.

Чрезвычайную пользу оказываетъ усовершенствованная краткопись при приготовленіи всѣхъ болѣе или менѣе сложныхъ письменныхъ работъ. По словамъ Тамбора,^{*} прежде чѣмъ писать какое-либо сочиненіе, нужно собрать мысли и составить планъ, по которому должно выполнить ту или другую работу; но такъ-какъ память наша не въ состояніи удержать сразу цѣлую массу мыслей, то намъ приходится дѣлать для себя нѣкоторыя замѣтки, въ самыхъ краткихъ выраженіяхъ. Только послѣ этого уже можно приступить къ самому писанію. Для сочиняющаго весьма важное правило—не прерывать, насколько это возможно, теченія мыслей, не переиначивать тамъ и здѣсь своихъ выраженій и оборотовъ, написавши всего нѣсколько фразъ. Напротивъ,—рекомендуетъ тотъ-же авторъ,—нужно прежде окончить все сочиненіе начерно, а потомъ уже можно приступить къ могущей понадобиться обработкѣ отдѣльныхъ частей, къ приведенію ихъ въ порядокъ, къ поправкамъ и измѣненіямъ. При общепринятомъ письмѣ едва-ли можно приготовить такимъ образомъ, не встрѣчая значительныхъ препятствій и трудностей, одну какую-либо статью. Очень часто, вслѣдствіе обширности сочиненія, приходится прерывать теченіе мыслей; едва написана пара строкъ, далѣе нельзя уже немедленно продолжать: послѣднее написанное предложеніе читается два-три раза и болѣе, чтобы можно было схватить опять главную мысль. Отсюда происходитъ не только то, что пишущіе задерживаются въ своихъ занятіяхъ, и сама работа значительно затрудняется, но иногда упускались при этомъ изъ виду важныя мысли. При обработкѣ и видоизмѣненіи сочиненія, снова наше обыкновенное письмо представляетъ величайшія препятствія, и нерѣдко пишущему приходится переписывать всю работу нѣсколько разъ. Пользующійся же услугами стенографіи можетъ каждое сочиненіе приготовить надлежащимъ образомъ, не борясь вовсе съ приведенными трудностями, такъ-какъ его *письмо можетъ слѣдовать за ходомъ его мыслей*, и, какъ-только предварительныя работы сдѣланы, и планъ сочиненія готовъ, обработка его и различныя исправленія не могутъ потребовать отъ такого лица особенныхъ усилій. *Нужно при письменныхъ занятіяхъ поупотреблять стенографію, чтобы можно было понять, какую великую пользу она доставляетъ.*

Само собою разумѣется, что наилучшаго, твердаго упроченія краткопись достигаетъ въ той странѣ, гдѣ она вводится, какъ

^{*}М. Tambor. Die Stenographie im Dienstesdes Lehrers. 1879, S. 6.

обязательный предметъ въ среднія и высшія учебныя заведенія. Хотя намъ, русскимъ, въ этомъ отношеніи еще многого остается ждать, но и теперь уже можно указать на результаты, къ которымъ привело-бы даже частное, домашнее изученіе этого искусства.

У насъ и въ Западной Европѣ, особенно въ Германіи и Австріи, много говорятъ о томъ, что учащееся юношество страшно обременено домашними работами, и говорятъ, въ большинствѣ случаевъ, не безъ основанія. Въ самомъ дѣлѣ, есть-ли возможность для лучшихъ учениковъ и ученицъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, при ихъ ежедневныхъ 8—10 часовыхъ занятіяхъ, найти время порѣзвиться и погулять на свѣжемъ воздухѣ, наслаждаться красотами чуднаго Божьяго міра? Развѣ нѣтъ у насъ дѣтей, въ большихъ городахъ, которыя никогда не бывали въ лѣсу, никогда не любовались видомъ поспѣвающей ржи, незнакомы съ русской деревней? Постоянное сидѣніе за книгой лишаетъ такихъ дѣтей ихъ естественной живости, дѣлаетъ ихъ не по лѣтамъ взрослыми и вообще нездорово вліяетъ на весь ихъ организмъ. Только дома, вакаціями, отчасти поправляются такіе хилые, измученные учащіеся. *Воспитанникамъ* даже *высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній* стенографія штольцевой системы могла-бы значительно облегчить ихъ занятія. Они могли-бы записывать имѣющія особенную важность объясненія учителей, замѣчать цитаты и историческіе факты, нисколько не отнимая у себя времени, писать, по крайней-мѣрѣ, дома черновыя сочиненія. Такимъ образомъ ежедневно нѣсколько часовъ для нихъ были-бы выиграны, школьная работа ихъ шла-бы ровнѣе и, безъ сомнѣнія, успѣшнѣе. Если-бы наше учащееся юношество, рядомъ съ умственнымъ и нравственнымъ воспитаніемъ, имѣло возможность, подобно дѣтямъ классической древности, подкрѣплять свои силы движеніями на вольномъ воздухѣ, на лонѣ всеоживляющей природы,—съ какимъ душевнымъ оживленіемъ и бодростью, оно снова принималось-бы за свои занятія, чувствуя въ себѣ притокъ свѣжихъ силъ? Конечно, это все будетъ возможно только тогда, когда учащіеся будутъ въ состояніи сократить время на домашнія письменныя работы съ 3—4 часовъ ежедневно на 1—1½ часа, а такого результата они достигнутъ только при знаніи хорошей системы стенографіи. Она есть *единственное* средство, которое можетъ создать свободное время для учащейся серьезно молодежи, облегчая ей повседневную работу, нисколько однако-же не измѣняя содержанія ея. Если это свободное время будетъ посвящено укрѣпленію физическихъ силъ, то, быть можетъ, тогда вмѣсто хилыхъ, близорукихъ дѣтей, со впалыми глазами и такими-же щеками, мы видѣли-бы здоровыхъ, краснощекихъ юношей, съ крѣпкими мускулами и развитымъ умомъ, видѣли-бы желанное—*mentem sanam in corpore*

sano.—Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ Австріи стенографія сдѣлана *обязательнымъ* предметомъ, и ученики подаютъ наставникамъ своимъ, знающимъ эту науку, даже сочиненія, прямо начисто стенографированныя.

Почеркъ отъ быстроты и небрежности письма портится у большинства людей; пользованіе одной изъ лучшихъ стенографическихъ системъ, напр. штольцевой, устранило-бы этотъ недостатокъ, и старая поговорка „*docti male pingunt*“ („ученые дурно пишутъ“) не имѣла-бы больше значенія.

Безчисленныя и драгоцѣннѣйшія услуги можетъ оказать стенографія студентамъ, не только при ежедневномъ записываніи ими лекцій, но и при писаніи рефератовъ, сочиненій, при составленіи конспектовъ и проч. Въ то время, какъ не знающій стенографіи студентъ въ продолженіи цѣлаго часа записываетъ обрывки фразъ безъ надлежащей между ними связи и до усталости иногда работаетъ карандашемъ, стенографирующій товарищъ его, даже не записывая лекціи дословно, можетъ, не торопясь, свободно отмѣтить самыя выпуклыя мѣста лекціи и въ то-же время съ не ослабѣвающимъ вниманіемъ слѣдить за общимъ ходомъ и развитіемъ ея. Въ университетѣ молодые люди, ознакомившіеся съ стенографіею еще въ гимназіи, могутъ, не пропуская лекцій, достичь высокой степени технического совершенства въ этомъ искусствѣ, стать виртуозами своего дѣла, такъ-какъ здѣсь, преимущественно, стенографія находится *въ родной сферѣ, въ царствѣ живаго слова, за которымъ она слѣдитъ*. (Отмѣтимъ, по этому случаю, что при университетахъ: берлинскомъ, гиссенскомъ, геттингенскомъ и лейпцигскомъ, въ Германіи, существуютъ стенографическія общества. Съ зимняго сезона 1884—1885 г. стенографія стоитъ въ спискѣ лекцій въ вѣнскомъ университетѣ, и при томъ ей отведено первое мѣсто между искусствами; тамъ читается поэтому не только теорія, но также исторія и литература стенографіи. Краткопись введена до сихъ поръ, кромѣ-того, въ университетахъ: грацкомъ, пражскомъ-нѣмецкомъ и львовскомъ. А какими великими симпатіями пользуется стенографія въ Америкѣ, это видно изъ того, что многочисленныя высшія учебныя заведенія всѣхъ родовъ помѣстили ее въ число обязательныхъ предметовъ, и что въ странѣ нашихъ заатлантическихъ друзей существуетъ не только около 300 специальныхъ, указанныхъ уже раньше нами, стенографическихъ училищъ, но есть и различныя элементарныя школы, гдѣ введена фонетическая скоропись, называемая *гоміографіей*, („*Homigraphie*“) — письмо, которое въ 3—4 раза короче обыкновеннаго и основано на системѣ Питмана.)

Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе пролагаетъ себѣ дорогу стенографія и въ жизни *финансово-коммерческой*. Въ Америкѣ и почти во всѣхъ первоклассныхъ государствахъ Западной Европы, а также и въ Швейцаріи, высшія кредитныя учрежденія, страховыя общества, всевозможныя конторы, — торговыя, техническія и т. д., пользуются стенографіею для веденія своей обширной корреспонденціи. Директоры и начальники этихъ заведеній многія важныя рѣшенія, письма, справки и другія свѣдѣнія диктуютъ прямо служащему въ нихъ учрежденіи стенографу, который затѣмъ представляетъ имъ все продиктованное уже въ переводѣ на обыкновенное письмо. Особенно спорится работа тамъ, гдѣ на помощь стенографу имѣется еще *пишущая машина*, на которой онъ можетъ очень быстро печатать свои стенограммы общепринятыми буквами. Такимъ образомъ, у всѣхъ этихъ лицъ, оцѣнившихъ по достоинству стенографію и прибѣгающихъ къ ея услугамъ, время для занятій сокращается, по крайней-мѣрѣ, въ четыре раза, которое они съ пользою употребляютъ или на другія работы, или на отдыхъ послѣ трудовъ.

То-же значеніе имѣеть краткопись и для *образованнаго купца*, для котораго время—деньги. Онъ можетъ вести не только свою корреспонденцію, но и приходо-расходныя книги на этомъ упрощенномъ письмѣ, и чѣмъ обширнѣе будутъ его торговыя сношенія, тѣмъ очевиднѣе будетъ для него и польза краткописи.

Въ современной западно-европейской *прессѣ* стенографія приобрѣтаетъ все болѣе и болѣе видное положеніе. Писатели, редакторы, журналисты и репортеры начинаютъ находить въ ней могущественную союзницу въ своихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ работахъ. Мы имѣли уже случай сказать нѣсколько словъ о *важности краткописи для писателя* вообще: она можетъ не только усилить, но и улучшить его дѣятельность, такъ какъ большую часть времени онъ можетъ посвятить обработкѣ своего труда, а не медленному писанію его. Для редакторовъ, журналистовъ, газетныхъ репортеровъ то-же искусство даетъ возможность въ нѣсколько минутъ отмѣтить все нужное, передать читателямъ дословно особенно важныя мѣста трѣчей, сообщеній въ различныхъ засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ и т. п. Быстрота и вѣрность извѣстій всего болѣе будутъ обезпечены примѣненіемъ стенографіи къ издательскому дѣлу. Нагляднымъ примѣромъ этому можетъ служить слѣдующій фактъ: съ 9 по 15 декабря (нов. ст.) 1874 года въ берлинскомъ судѣ велся надѣлавшій тогда въ Германіи много шума уголовный процессъ графа Арнима. Не только въ большихъ берлинскихъ газетахъ немедленно сообщались малѣйшія подробности процесса, но, благодаря дружнымъ усиліямъ трехъ современныхъ „*графовъ*“—стенографа, телеграфа

и типографа,—и извѣстная „Кельнская Газета“ была въ состояніи помѣстить въ своемъ вечернемъ изданіи стенографическіе отчеты о судебныхъ разбирательствахъ, бывшихъ въ Берлинѣ въ тотъ-же самый день утромъ, не смотря на 80-мильное разстояніе Кельна отъ мѣста веденія процесса.

Многія редакціи столичныхъ европейскихъ газетъ имѣютъ своими сотрудниками образованныхъ стенографовъ, получающихъ прекрасный гонораръ. Напримѣръ, лондонскія первоклассныя газеты въ настоящемъ году пользуются услугами 81 стенографа—репортера. Этого мало: въ Америкѣ, въ Швейцаріи и нѣкоторыхъ городахъ западной Европы пошли еще далѣе; а именно: стали примѣнять стенографію прямо къ печатанію газетъ, журналовъ и пр.—болѣе непосредственнымъ образомъ. Для этой цѣли издательскія фирмы и типографіи газетъ имѣютъ въ своемъ распоряженіи нѣсколькихъ наборщиковъ, которые понимаютъ стенографію и могутъ набирать *прямо со стенографической рукописи*. Особенно въ Швейцаріи, теперь уже не большая рѣдкость встрѣтить, что много ученыхъ сочиненій печатается въ типографіяхъ непосредственно по стенограммамъ. Это полезное нововведеніе отражается чрезвычайно благотворно на здоровьи такихъ наборщиковъ. Въ то время какъ обыкновенный наборщикъ разстраиваетъ не только органъ зрѣнія, но нерѣдко надламываетъ и самую грудь свою за этой тяжелой работой, товарищъ его, знакомый со стенографическимъ письмомъ, имѣетъ и больше свободнаго времени для возстановленія своихъ душевныхъ и физическихъ силъ, и материально—гораздо лучше обезпеченъ.

Безцѣннымъ сокровищемъ является знаніе стенографіи для всѣхъ лицъ *судебнаго вѣдомства*,—при снятіи допросовъ, свидѣтельскихъ показанійхъ, при составленіи протоколовъ, извлеченіяхъ изъ нихъ и подобн.

Высокопоставленныя лица могутъ тоже сократить въ значительной степени свое рабочее время, сдѣлавши своимъ секретаремъ стенографа. Въ настоящее время въ нѣмецкихъ и англійскихъ газетахъ можно встрѣтить довольно часто объявленія, что такое-то лицо желало-бы имѣть у себя частнымъ секретаремъ молодого человѣка, напр., съ полнымъ гимназическимъ образованіемъ, искуснаго въ *стенографированіи*, обладающаго красивымъ почеркомъ etc.. Все это подтверждаетъ ту мысль, что въ родныхъ странахъ Гутенберга и Стефенсона указанные случаи уже не единичныя явленія, а мало-по-малу приобрѣтающія себѣ право гражданства и достаточно широкое распространеніе, въ силу серьезно сознанныхъ мотивовъ.

И такъ, можно сказать, что нѣтъ области человѣческаго знанія, гдѣ примѣненіе стенографіи не было-бы благодѣтельно: во время мира и войны, въ кабинетѣ ученаго и за школьной скамьей, въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ, равно какъ и въ частной общественной дѣятельности, она всюду *облегчаетъ, ускоряетъ и совершенствуетъ умственный трудъ*, развивая духовныя способности человѣка и дѣлая осуществимымъ то, что для обыкновеннаго письма никогда не было-бы доступнымъ. Въ сферахъ-же промышленно-коммерческихъ, представляющихъ въ наше время такую могучую силу во всемъ цивилизованномъ мірѣ, примѣненіе искусства краткописи, безъ всякаго сомнѣнія, способствуетъ оживленію и увеличенію международныхъ торговыхъ сношеній, и въ этомъ тоже нельзя не видѣть его славной исторической (по отношенію къ современной жизни) заслуги.

Давно уже пора намъ бросить старый, ложный взглядъ на трудъ стенографа, какъ трудъ исключительно механической; въ противномъ случаѣ, намъ со стыдомъ придется оглянуться на древнихъ римлянъ, которые, будучи отдѣлены отъ насъ цѣлыми двумя тысячелѣтіями, уже почитали стенографію *истиннымъ искусствомъ* и открыто восхищались ею въ своихъ твореніяхъ. Послушаемъ, напр., какъ прекрасно поэтъ Авзоній восхваляетъ искусство тахиграфа въ своей эпиграммѣ „ad notarium velocissime excipientem.“* „Мальчикъ, искусный въ быстрыхъ знакахъ—говоритъ поэтъ,—лети ко мнѣ на помощь, разверни на-двое записную книгу, ты, записывающій множество сказаннаго нѣсколькими чертами, какъ будто было произнесено одно только слово! Развертываю я объемистыя книги, и уже шумить, подобно густому граду, стремительный потокъ моихъ словъ. Отъ тебя не ускользаетъ ни одного звука, и никогда не написана твоя страница. Не торопясь, скользить твоя правая рука по восковой поверхности книги; и, тогда какъ я говорю, по обычаю ораторовъ, съ околичностями и изо всей силы, у тебя уже записаны на воскъ мысли моего сердца, какъ будто онѣ уже были высказаны. О если-бы умъ мой могъ думать такъ быстро, какъ летаетъ твоя рука, опережая мою рѣчь! И кто, скажи, предасть меня тебѣ? Кто уже сказалъ тебѣ, что я думалъ еще говорить? и какъ это крадетъ твоя „крылатая“ рука то, что у меня въ глубинѣ сердца?.. Не знаніе создало это искусство, и не было-бы руки настолько быстрой, чтобы она могла записывать скоро сказанное: но природа надѣлила тебя такимъ талантомъ, и Богъ далъ тебѣ даръ, чтобы ты зналъ прежде то, что я скажу, и чтобы моя мысль была также твоею.“ Какое благородное отношеніе къ искусству въ такую далекую отъ насъ эпоху! Поэтъ зоветъ къ себѣ тахиграфа, какъ дорогого и желаннаго помощника въ своей умственной работѣ.

*) т. е. къ тахиграфу, очень быстро записывающему рѣчи.

Если обратимся къ настоящему столѣтію, то въ разныхъ сферахъ общественной и государственной жизни западной Европы, мы встрѣтимъ не мало людей, горячо защищавшихъ идею распространенія интересующаго насъ предмета. Во Франціи еще Флоко (Flocos) въ 1848 году, будучи министромъ, выражалъ желаніе, чтобы стенографическое искусство составляло *существенную часть образованія* всѣхъ французскихъ гражданъ, а въ Англіи знаменитый инженеръ сэръ Вильямъ Армстронгъ убѣждалъ однажды своихъ слушателей въ сессіи „Британской Ассоціаціи,“ въ Нью-Кэстлѣ, что въ наше время—время многочисленныхъ и великихъ изобрѣтеній—всетаки *фундаментальное искусство*—выражать мысли письменными символами, остается такъ-же *несовершеннымъ*, какъ было цѣлыя столѣтія назадъ, и что нѣтъ никакого основанія для того, чтобы подростающее поколѣніе наше не изучало той системы письма, которая болѣе соответствовала бы господствующей въ наши дни живости духовнаго оборота между людьми.

„Что стенографія полезна, что она есть *потребность нашего времени*,—признала торжественно и ученая комиссія прусской палаты депутатовъ, еще въ 1862 году,—это должно слѣдовать изъ того, что *всѣ народы*, достигши извѣстной ступени въ духовномъ и политическомъ развитіи, стремились создать такой родъ письма, который могъ-бы имѣть равную быстроту. если не со скорымъ потокомъ мыслей въ мозгѣ человѣческомъ, то, по крайней-мѣрѣ,—съ выраженіемъ ихъ голосовымъ органомъ.“

Противъ этихъ словъ едва-ли кто нибудь станетъ спорить: за нихъ стоятъ громкіе факты, стоитъ сѣдая и неліцеприятная исторія искусства. Развитіе стенографіи подлежитъ общимъ законамъ непрерывнаго усовершенствованія, и, какъ всѣ полезныя изобрѣтенія, она служитъ для того, чтобы возможно болѣе освободить человѣка отъ давящей его внѣшней механической работы и сберечь на его пользу и время, и деньги на письменные матеріалы, и самый трудъ. Стенографія быстро идетъ на встрѣчу будущему; она не есть пустая и несбыточная, какъ думаютъ нѣкоторые, мечта теоретиковъ, но искусство, блестящей *практикой* доказывающее свою великую силу; поэтому значеніе ея возрастаетъ день ото дня во всѣхъ культурныхъ странахъ.

Пожелаемъ-же отъ души, чтобы, по крайней-мѣрѣ, образованные русскіе люди, лучшіе представители нашего дорогаго отечества, которому Божественное Провидѣніе указываетъ славное будущее, не закапывали безцѣннаго сокровища въ землю: не много настойчиваго труда,—и оно само дастся въ ихъ руки, и сторицей вознаградитъ cadaго за его усилія.

Пора и русскому человѣку хоть теперь усвоить себѣ то чудное искусство, которымъ культурные народы Европы пользуются уже не первую сотню лѣтъ съ огромнымъ успѣхомъ. Да заблестаетъ и на нашей родной русской землѣ это письмо будущаго, какъ лучезарная звѣзда, указывая всѣмъ работникамъ пера надежный путь въ морѣ грудно уловимыхъ звуковъ и въ потокахъ быстро исчезающихъ мыслей!

